

Если Цинь Цзигуй не помрёт, сам Шэнь Янь точно сгорит от стыда.

Так что чисто теоретически этот вариант подходил, вот только закон вряд ли одобрил бы подобное решение.

Шэнь Янь пал духом окончательно. В его глазах читалась беспросветная, ледяная тоска.

Двери лифта распахнулись, и он тут же ткнул в кнопку закрытия.

Двери попытались открыться снова — он опять нажал на кнопку.

Они открылись в третий раз — и он в очередной...

На этот раз закрыть не удалось.

Цинь Цзигуй подставил ладонь, удерживая створку, и тихо произнёс:

— В кабине душно, выходи.

Шэнь Янь даже не повернул головы:

— Не твоё дело.

— Я ничего не видел, — снова тихо проговорил Цинь Цзигуй.

Шэнь Янь медленно перевёл на него косой взгляд:

— Правда?

— Честно.

На лице Цинь Цзигуя не отразилось ни единой эмоции. Похоже, он и впрямь не собирался высмеивать его.

«Хоть на это мозгов хватило».

Только тогда Шэнь Янь сменил гнев на милость. Нехотя выпрямившись, он состряпал невозмутимый вид и с гордо поднятой головой — вылитый солидный школьный авторитет — вальяжно шагнул из лифта, делая вид, будто ничего не произошло.

Однако не успел он прошагать и пары метров, как почувствовал неладное. Обернувшись, он нахмурился:

— А ты чего здесь? У тебя разве не курсы по олимпиадам?

Цинь Цзигуй убрал руку и повернулся:

— Плохо себя почувствовал, вот и остался дома.

Створки лифта за его спиной бесшумно сомкнулись.

— И чего тогда перед лифтом стоял? — подловил его Шэнь Янь.

— Тётя попросила спуститься за напитками.

И тон, и выражение лица казались абсолютно безупречными. И всё же Шэнь Янь ощущал какой-то подвох. Он уже успел позабыть, ради чего в ярости сбежал с уроков, чувствуя лишь странное беспокойство. Краем глаза зацепившись за правую руку соперника, он насупился:

— Что у тебя с рукой?

— Ничего, — Цинь Цзигуй убрал правую руку глубже в карман брюк. — Случайно задел.

— Кого ты дуришь? Я же своими глазами видел! У тебя ссадины на костяшках, явно свежие, тут никак не могло быть «случайно»! — В голосе Шэнь Яня вспыхнула нескрываемая тревога. Шагнув вперёд, он, не думая о приличиях, сунул руку прямо в карман Цинь Цзигуя, пытаясь вытащить повреждённую ладонь наружу.

Дистанция оказалась слишком опасной, и Цинь Цзигуй поспешно отступил в сторону.

Рука Шэнь Яня промахнулась и застыла в воздухе. Длинные, белые пальцы юноши беспомощно зависли, выдавая нахлынувшую растерянность и неловкость.

Цинь Цзигуй чуть дрогнул ресницами, словно намеревался объяснить причину, но в итоге лишь глухо выронил:

— Тебя это не касается.

Шэнь Янь, закипавший весь вечер, от этих слов горько усмехнулся. Отдёрнув руку, он выдавил холодный смешок:

— Ну да, точно! И то правда, не моё собачье дело! Сам виноват, лезу куда не просят.

Развернувшись, он размашисто шагнул к двери квартиры 2601.

Цинь Цзигуй инстинктивно протянул руку, желая удержать его, но Шэнь Янь с ходу влепил ему звонкую пощёчину по ладони, отбивая её:

— Не смей, блядь, ко мне прикасаться! Сказано же — не твоё дело! По-человечески не понимаешь?!

Цинь Цзигуй опустил руку и остался стоять на месте:

— Шэнь Янь, я не то имел в виду.

— Да клал я на то, что ты имел в виду!

Вид этого ледяного истукана бесил Шэнь Яня до дрожи. Цинь Цзигуй вечно держался так, будто всё на свете не имело для него ни малейшего значения, выставляя чужие искренние порывы глупым фарсом.

— Ты сам ляпнул, что мы с тобой не из одного теста! Так вот: отныне я в твою жизнь не лезу, и ты к моей не смей подходить! Прогуливаю я, дерусь, зависаю в инете, завожу романы или таскаю в школу телефон — тебя это больше не ебёт! Каждому своя дорога. Забыли друг о друге, и точка! А кто первое нарушит уговор — тот сука паршивая!

Длительное время копившаяся злость наконец вырвалась наружу, ударив Шэнь Яню прямо в голову. Разум отрезвел не сразу — он лишь чувствовал, как после этой отчаянной тирады на душе становится чуточку легче.

Быстро набрав код на замке, он вознамерился со всей дури грохнуть дверь, чтобы этот ледяной истукан осознал всю глубину его гнева.

Однако за мгновение до того, как этот эффектный жест должен был поставить жирную точку в их дружбе, за его спиной со скрипом распахнулась дверь квартиры 2602.

И следом донёсся звонкий, не терпящий возражений голос госпожи Сюй Цинжун:

— Шэнь Янь! Ты на кого тут собачишься? Совсем страх потерял? А ну живо извинись перед Цзигуем и марш за стол!

— Тётя Сюй, это я виноват, Шэнь Янь ни при чём, — Цинь Цзигуй мгновенно взял вину на себя.

Вину он признавал всегда охотно.

Шэнь Янь возражать не стал, но и поворачиваться не спешил:

— Мам, я у себя поем.

— Ишь чего удумал! Я завтра спозаранку улетаю в Лондон, так что про твой прогул вечерних уроков поговорим позже. Но прямо сейчас — быстро, резво, поджал хвост и дуй сюда ужинать!

Едва госпожа Сюй закончила, как раздался мягкий, напевный голос Цинь Жу, тёти Цинь Цзигуя:

— Сяо Янь, иди к нам, ну же! Мама сказала, что мы сегодня досрочно отмечаем твой день рождения. Дядя Цзянь такой пир горой сработал — всё твоё самое любимое!

Против двоих непререкаемых авторитетов у Шэнь Яня не нашлось аргументов.

Хоть на улице он и слыл отъявленным хулиганом, дома всегда вел себя кротко и перечить высокопоставленным «императрицам-матерям» отваживался редко. Едва прозвучало высочайшее повеление, как ему, при всём неодобрении, пришлось обернуться и с каменной миной поплестись в соседнюю квартиру, тщательно делая вид, будто стоящего рядом Цинь Цзигуя для него больше не существует.

Роскошный двухэтажный пентхаус площадью в двести восемьдесят квадратных метров с панорамным остеклением находился в элитном школьном районе Наньву, прямо с видом на центральный деловой район. Планировка здесь поражала размахом, а коммуналка стоила астрономических денег — без солидного капитала в таком месте не прижиться.

Плата за такой комфорт была соответствующей: Сюй Цинжун, воспитывавшая сына в одиночку, круглый год моталась по командировкам по всему миру, отчего праздновать день рождения Шэнь Яня день в день почти никогда не удавалось.

Вот и сейчас: родился он седьмого июля, то есть завтра, но из-за отлёта матери торжество пришлось перенести на сегодняшний вечер.

Шэнь Яня эта подвижка не особо задевала. Вот только когда Цинь Цзигуй по привычке занял место прямо напротив него, юноше показалось, что праздник ничем не отличается от поминальной тризны.

Сплошной сглаз и уныние.

Впрочем, портить настроение взрослым и пренебрегать их стараниями он не хотел. Оглядев

установленный изысканными кушаньями стол и роскошный, явно недешёвый торт, Шэнь Янь вежливо произнёс:

— Спасибо, тётя Цинь, дядя Цзянь.

— За что спасибо-то, ну чего ты как чужой! Всё по старинке: сперва загадываем желание, потом за еду. Цзянь Пин, а где свечи с зажигалкой? — крикнула в сторону кухни Цинь Жу.

Из кухни моментально откликнулись:

— Иду-иду!

Цзянь Пин был мужем Цинь Жу и дядей Цинь Цзигуя, а по совместительству — главой крупной IT-компании.

Вид он имел весьма представительный, вылитый суровый босс, однако дома превращался в типичного подкаблучника. Едва услышав зов супруги, он выбежал из кухни в кухонном фартуке, сжимая в руках зажигалку и свечи.

Водрузив свечи в самый центр торта, Цзянь Пин с ностальгической улыбкой проговорил:

— И не заметили, как время пролетело! Вот уже и Сяо Яню почти восемнадцать. Помню, как в первый раз устраивали ему праздник, когда ему едва исполнилось три годика. Он тогда всю вопил своё желание вслух, а я давай его пугать: мол, если проболтаешься, ни за что не сбудется! А он не поверил, из года в год выкрикивал всё подряд — и ведь каждый раз сбывалось, представляете? Чудеса, да и только!

Вспоминая прошлые годы, Шэнь Янь и сам удивлялся.

В три года он жил с бабушкой и дедушкой в старом особняке. В тот год Цинь Жу и Цзянь Пин впервые привезли Цинь Цзигуя в Наньву, и обе семьи впервые собрались вместе.

Тогда, будучи несмышлёным карапузом, он загадал, чтобы «братик Цзигуй всегда играл с ним и никуда не уезжал» — и Цинь Цзигуй действительно остался.

В четыре года он пожелал занять первое место в детсадовском конкурсе рисунков — и забрал золото.

В пять — ужасно невзлюбив двухлетнего бугая по прозвищу Толстый Тигр из ведомственного городка, он загадал, чтобы тот набил себе шишку, и уже на следующий день сопливый Толстый Тигр со слезами признал в нём своего авторитета.

Так продолжалось до шестнадцати лет: каждое желание неизменно сбывалось. Не сказать, чтобы случалось нечто грандиозное, но «магия» работала исправно.

— Хотя сбывается не всё. Вот прошлогоднее, например, так и не исполнилось, — вскользь заметил Шэнь Янь, зажигая свечи.

Сюй Цинжун уселась по другую сторону от него:

— А что ты там нажелал-то?

Шэнь Янь припомнил:

— Кажется, что-то вроде «пусть исполняются абсолютно все мои хотелки».

— Ну, с этим ты явно переборщил, — со знанием дела урезонила его мать. — Желание слишком размытое и жадное, тут даже сама Богиня Гуаньинь бессильна! Надо просить что-то конкретное, приземлённое. Так что давай в этом году без фантазий. Загадай, скажем, вылезти из первой десятки заядлых двоечников параллели, когда на днях результаты экзаменов вывешат.

— Мам, ну у меня же день рождения! Можно хоть сегодня об учёбе не вспоминать? — тихо пробурчал Шэнь Янь.

Сюй Цинжун фыркнула от смеха:

— Ого, то есть ты сам понимаешь, что замыкать список успеваемости — это позор? Так покажи характер! Выжми из себя хоть одиннадцатое место с конца!

Заметив, как вспыхнули чувствительные щёки юноши, Цинь Жу поспешила вмешаться:

— Ну всё-всё, Цинжун, перестань подкалывать парня. Давай, Сяо Янь, загадывай скорее, и будем садиться за стол!

С этими словами она погасила свет в гостиной.

Во тьме остался лишь тёплый, живой язычок пламени, мерцающий на верхушке торта.

В полумраке перед глазами Шэнь Яня очерчивался только небольшой кусочек торта да бесстрастный, опущенный взгляд Цинь Цзигуя напротив. Тот, судя по всему, был занят перебиранием чего-то в руках и на происходящее не обращал ни малейшего внимания.

А ведь в прошлые годы к этому моменту Цинь Цзигуй уже вручал ему тщательно выбранный подарок и с самым серьезным видом готовился слушать его заветную мечту. А теперь — смотрите на него! Воротит нос, бессердечный чурбан.

Злость внутри Шэнь Яня вспыхнула с новой силой. Он зажмурился, а спустя пару секунд резко распахнул глаза и со всей дури дунул на свечу:

— Готово!

Сюй Цинжун щёлкнула выключателем:

— Управу нашёл? Так быстро?

— Угу.

— И что загадал?

Шэнь Янь искоса бросил колючий взгляд на Цинь Цзигуя и с нажимом прочеканил:

— Чтобы всякие показушники дерьмовые держались от меня как можно дальше!

Пальцы Цинь Цзигуя, очищавшие креветку, на мгновение замерли, но он тут же как ни в чём не бывало продолжил своё занятие.

Никто за столом не заметил этой оговорки. Лишь госпожа Сюй вздохнула с укоризной:

— Вот же баламут! А как же обещание выбраться из списка двоечников?

— Оценки — дело судьбы, — беспечно отмахнулся Шэнь Янь, хватаясь за палочки.

Мать одарила его выразительным взглядом:

— Взял бы пример с Цзигуя! Кстати, Цзигуй, а как там твоя подготовка к олимпиаде по информатике?

Не успел юноша вымолвить и слова, как Цзянь Пин с гордостью перехватил инициативу:

— Да о чём тут говорить! У парня к этому настоящий дар, он уже свободно закрученные программные архитектуры щёлкает! Когда он к нам в IT-отдел на стажировку приходил, ребята из разработки мобильных приложений все как один твердили, что он гений. Жду не дождусь,

когда он университет окончит и придёт ко мне компанию поднимать!

Гордость в его голосе буквально зашкаливала.

Госпожа Сюй сокрушённо вздохнула:

— Счастливые... Ведь вместе росли, а наш Шэнь Янь будто вовсе не взрослеет — одна дурь в голове да гулянки.

В этот момент Цинь Цзигуй, закончив чистить восьмую креветку, бесшумно подвинул блюдечко на противоположную сторону стола. Заметив это, Сюй Цинжун подытожила:

— А впрочем, сам виноват, Цзигуй!

Ни в чём не повинный Цинь Цзигуй вопросительно изогнул бровь:

«?»

Игнорируя его немой вопрос, госпожа Сюй повернулась к подруге:

— Помнишь, им лет по семь-восемь было? Мы тогда обе уехали в командировку, оставить их было не на кого. Возвращаемся глубокой ночью перед первым сентября, в спальне пусто — мы чуть с ума не сошли! Прибегаем в кабинет, а там картина маслом: старший сидит с суровым видом и строчит в тетрадях как сумасшедший, а младший рядом с ним шмыгает носом и икает от слёз. Я уж думала, беда случилась! Подхожу ближе — ага, как же! Шэнь Янь пробакланил все летние задания, и Цинь Цзигуй отдувается за него! Так что в нынешних «успехах» нашего раздолбая есть и твоя немалая заслуга, Цзигуй.

Цзянь Пин добродушно усмехнулся:

— Это точно. Цзигуй его с малолетства балует. Да взять хоть те же креветки — он же их ему лет десять уже чистит, не меньше!

При этих словах палочки Шэнь Яня, занесённые над тарелкой, замерли.

Он и внимания не обратил, кто начистил эти горки, — просто увидел перед собой готовое угощение и по многолетней привычке потянулся за ним.

Но после слов дяди Цзяня ситуация сделалась катастрофически неловкой.

Есть — значит проявить беспринципность.

Не есть — выглядеть мелочным и обидчивым.

Поколебавшись мгновение, Шэнь Янь спас положение, аккуратно переложив очищенную креветку в пиалу матери:

— В день рождения сына мать заслуживает наивысшей похвалы. Мам, вкушай!

С каких это пор этот негодник стал таким чутким?

Госпожа Сюй скосила глаз на притихшего Цинь Цзигуя, сразу обо всём догадалась и, взяв себе неочищенную креветку, ехидно поинтересовалась:

— Выкладывай давай: из-за чего опять с Цзигуем вздорил?

Шэнь Янь уткнулся в тарелку, цепляя кусочек рыбы с острым перцем, и буркнул:

— Никто с ним не вздорил. Я вам что, первоклашка?

Тон его, впрочем, отдавал самым настоящим детским садом.

Сюй Цинжун не стала спорить:

— Ладно-ладно, раз не дуешься — тем лучше. Тебе ведь у Цзигуя ещё несколько месяцев жить. Каково это — каждый день сталкиваться лоб в лоб, если в обидках ходить?

Палочки Шэнь Яня у самого рта мгновенно окаменели.

Мать с абсолютно невозмутимым видом принялась чистить креветку:

— Я ведь сегодня накупила кучу продуктов, хотела сама тебе пир устроить.

— И?.. — нахмурился Шэнь Янь.

— И скороварка рванула. Кухню разметало к чертям, — спокойно проговорила мать, отправляя моллюска в рот и облизывая пальцы.

—???

Сюй Цинжун снисходительно махнула рукой:

— Ничего страшного. Как раз пока я буду в Лондоне эти пару месяцев, в квартире сделают ремонт. А ты пока поживешь у тёти Цинь. Вот, твои пожитки уже перетащили.

Она небрежно указала пальцем в сторону распахнутой двери в конце коридора.

С того места, где сидел Шэнь Янь, через проём виднелся яркий край его новенького геймерского кресла.

Раз уж перетащили даже кресло, значит, дело было решено окончательно и бесповоротно.

И если память ему не изменяла, комната напротив принадлежала Цинь Цзигую.

А если она ему не изменяла ещё сильнее, то, чтобы не беспокоить тётю Цинь с мужем на втором этаже, ему придётся делить ванную комнату... с Цинь Цзигуем.

«...»

Вспомнив громкое заявление о «каждый идёт своей дорогой», сделанное ровно десять минут назад, Шэнь Янь почувствовал, как рушится его мир.

Сглотнув от нахлынувшего отчаяния, он тут же пожалел об этом.

Огненная волна мгновенно обожгла горло и ротовую полость.

Мелкие крошки жгучего чили, которые он не успел проглотить, вместе со слюной въелись прямо в дыхательные пути.

Забыв о крушении надежд, Шэнь Янь согнулся пополам в приступе дикого, удушающего кашля:

— Ма... кха-кха-кха... во... ды...

Едва успели опомниться взрослые, как Цинь Цзигуй коршуном сорвался с места. В считанные секунды он оказался у кулера, набрал воды, а затем, распахнув дверцу холодильника, принялся с хмурым видом что-то судорожно искать.

Однако Шэнь Яня кашель буквально разрывал на части. Не дождавшись Цинь Цзигуя, он сквозь слёзы заметил возле руки матери нетронутый стакан с прозрачной жидкостью и, не раздумывая, цапнул его.

Сюй Цинжун ахнула, округлив глаза:

— Сынок! Это же бай—

Шэнь Янь закинул голову и махом осушил стакан.

— — цзю-у-у!

Едва прозвучало слово «водка», как юноша, в жизни не пробовавший ни капли спиртного и не беря в рот сигарет, брызнул слезами от адской боли. Дикое жжение и боль пронеслись от рецепторов на языке через всю гортань прямо вглубь внутренних органов.

Он отродясь не терпел боли, а тут от резкого ожога просто уткнулся лицом в стол, сжав кулаки до побеления костяшек. Кашель заходился с такой силой, будто лёгкие вот-вот вылетят наружу.

Увидев, как у сына налились кумачом уши, щёки и уголки глаз, Сюй Цинжун перепугалась до смерти. К счастью, в этот миг подскочил Цинь Цзигуй — в одной руке стакан со свежей водой, в другой пиала с мочёной холодной грушей.

— Цзигуй, скорее, скорее! Сяо Яню совсем худо, сделай же что-нибудь! — запричитала мать.

Ему и вправду было нестерпимо плохо.

Юноша судорожно прижимался к краю стола, спрятав лицо в изгибе локтя. Его худая спина с резко проступающими лопатками ходила ходуном, а на ладонях от впившихся ногтей остались багровые отпечатки. Он изо всех сил пытался сдержаться, чтобы не пугать окружающих, но справиться с мукой был не в силах.

Цинь Цзигуй с потемневшим взглядом опустился подле него, одной рукой обнял за плечи, помогая выпрямиться и прижать к себе, а второй поднёс стакан к его губам:

— Пей медленно.

Но Шэнь Янь лихорадочно нахмурился и мотнул головой:

— Отвали... не... кха-кха-кха... надо... кха-кха-кха...

Он кашлял так, будто у него сейчас вывернет все внутренности, а на длинных ресницах повисли тяжёлые капли слёз.

Сюй Цинжун, видя, что сын разрывается от кашля, но упрямо отказывается от воды, перепугалась, решив, что у него приступ бронхоспазма:

— Малыш, что с тобой?! Где ещё болит? Может, скорую вызвать?! Не пугай маму!

Шэнь Янь лишь с трудом качнул головой, а затем, подняв залитый слезами взор на Цинь Цзигуя, выставил вперед дрожащий указательный палец:

— Ты... нельзя.

Взрослые окончательно переполошились:

— Да что же такое-то, Сяо Янь?!

Шэнь Янь вытаращил налитые кровью глаза, глядя на Цинь Цзигуя с таким трагическим и непреклонным выражением, будто прямо сейчас собирался взойти на эшафот за правое дело.

Трое взрослых в комнате замерли, боясь даже вздохнуть.

И тут Шэнь Янь, преодолевая адскую боль, сжимая зубы и сипя сгоревшей гортанью, сквозь силу, по слогам выдал ключевую фразу своей жизни:

— М-мы... договорились... Кто первый лезет... тот... пёс шелудивый!

В то же мгновение над роскошными двумястами восьмьюдесятью квадратными метрами пентхауса потонула всякая жизнь. На фоне сокрушительного, надрывного, раздирающего грудь кашля нестигаемого воина и железного человека Сэн Сяояня повисла гробовая, бесконечная тишина.

Взрослые не знали, то ли плакать от нелепости происходящего, то ли восхищаться столь фанатичной принципиальностью.

Лишь Цинь Цзигуй всё с той же невозмутимой миной снова поднёс стакан к его рту:

— Угу.

— Кха?.. — Шэнь Янь хлопнул заплаканными глазами, не совсем сообразив.

Цинь Цзигуй небрежно смёл пальцем слезинку с уголка его глаза:

— Гав.

<http://bllate.org/book/20611/2106115>